

на нем жилищ двумя концентрическими кругами, что создавало определенную замкнутость и укрепленность этого пункта (31 жилище составляло внешний круг, 8—внутренний). В центре поселения, в середине внутреннего круга (диаметр до 60 м) оставалось, вероятно, незастроенное пространство и служило местом для загона скота; возможно также, что на части территории в центре совершали различные обряды и празднества. Вскрытый на Коломыйщине родовой поселок состоял из нескольких десятков жилых построек, больших и средних, главным образом, многоочажных домохозяйств, в каждом из которых могло разместиться несколько парных семейств и вести общее хозяйство.

В ближайшие годы Трипольская экспедиция, наряду с продолжением исследования на Коломыйщине, предполагает поставить большие раскопки на других поселениях, хронологически одновременных, и тем самым советские археологи подойдут к разрешению важного вопроса о происхождении и развитии в период родового общества (III—II тысячелетия до н. э.) древнейшей земледельческой («Трипольской») культуры на территории СССР.

Т. Пассек

Археологические раскопки близ Никополя

Никополь, один из оживленнейших городов Днепропетровщины, лежит в очень богатой археологическими памятниками местности. Его окрестностям наши музеи обязаны рядом своих известнейших коллекций из скифских, так наз. «царских» курганов: отсюда происходят такие пользующиеся мировой известностью предметы, как серебряная ваза Чертомлыцкого кургана, золотой гребень из кургана Солоки близ Знаменки на Днестре и тысячи других предметов ювелирного искусства, вышедших частью из рук греческих мастеров, частью сделанных, повидимому, на месте в степях. Все эти вещи являются истинным украшением советских музеев, особенно Гос. Эрмитажа в Ленинграде.

Невозможно отрицать громадное историческое значение только что упомянутых археологических памятников. Но все-таки восстановление только на их основании истории нижнеднепровской Скифии IV—III вв. до н. э., к которым в своей основной массе относятся «царские» курганы, было бы неполным и односторонним. До сих пор из Нижнего Приднепровья были известны только единицы памятников рядового характера; это касается и погребений и городищ.

После Октябрьской революции советская археология сделала огромные шаги вперед, по тому же пути пошло и исследование Скифии. Однако только сравнительно недавно были затронуты скифские памятники Днепропетровщины и дали первые ощутительные результаты. Уже раскопки при сооружении Днепрогэса принесли ряд памятников рядового характера, относящихся к скифской эпохе.

По этому же пути пошел и Никопольский краеведческий музей имени М. В. Ломоносова, организовавший только лет десять тому назад и ставший в ряду лучших районных музеев. В течение последних лет он сумел организовать и провести в жизнь систематические раскопки археологических памятников в районе. Почти целиком на почве этих раскопок он создал археологический отдел, мало чем уступающий иным археологическим собраниям областных музеев, если не по количеству, то по качеству. Все его собрания—результат систематической научной работы; случайные находки и приобретения составляют незначительное дополнение к основному фонду.

Раскопки сначала велись покойным сотрудником музея, тов. Кирановым, с осени 1935 г. и в 1936 г.—Л. Д. Дмитриевым, сотрудником Института археологии Украинской Академии наук, в 1937 и 1938 гг. были поручены музею мне. Насколько известно, Киевский институт предпринимает вскоре отчетное издание по этим раскопкам. Работа

до лета 1938 г. целиком сосредоточивалась на площадке одной никопольской новостройки, но в 1938 г. вышла за ее пределы.

Этими раскопками предшествующих лет, а равным образом и лета 1938 г., вскрыт на Никопольстрое ряд курганов. В них обнаружены многочисленные погребения, начиная от эпохи ранней бронзы до погребений средневековых кочевников. Едва ли не важнейшими курганами эпохи бронзы являются вскрытые Л. Д. Дмитриевым курган № 2 (1935), значительные по величине курганы № 3 (1937 г.) и № 1 (1938 г.). Остановлюсь несколько на кургане № 3 (1937 г.), давшем особенно отчетливую картину последовательности захоронений. Два других кургана лишь подтверждают и развивают те специальные выводы, которые даются № 3. Этот курган, довольно большой (высота—3,9 м, диаметр—44 м), оказался насыпанным, по крайней мере, три раза. Его внутренний, древнейший, конус был или вторично досыпан, или последовательно сложен из двух родов почвы, а затем по подошве обложен сильно затвердевшим со временем лессовидным суглинком. Не считая верхних впускных погребений средневековых кочевников, содержимое которых было мало поучительно, в основном курган заключал в себе 23 погребения разных этапов бронзовой эпохи. Последовательность захоронений была столь определена, что в их органической связи не может возникнуть никакого сомнения. В древнейшем и втором конусах находились погребения в обширных ямах, покрытых бревнами, забросанными сверху тростником. Впускные ямы делались с рядом опоясывавших уступов, на нижнем из которых находилось перекрытие. Костяк лежал всегда на спине, скорченно, с поднятыми коленями, обычно опадавшими на бок и только иногда сохранявшими первичное положение. Он, как и дно могилы, густо покрывался красной краской. Инвентаря при этих погребениях мало: встречаются единичные каменные орудия. В третьей внешней насыпи оказался ряд очень сильно скорченных на боку погребений, также покрытых краской, в ямах, величиною едва в 1 кв. м. Инвентарь также небогат, но все же в нем попало несколько сосудов так наз. «ямной» культуры. В том, что здесь нет двух культур, а только изменение обряда захоронения, убеждает правильное расположение внешней насыпи и могил второго типа, концентрически опоясывающих центральные насыпи, содержащие только первый тип, что могло получиться лишь в результате единой цели в сооружении всего кургана: он представляет целое сооружение, своего рода родовую коллективную усыпальницу. Не сообразуясь с этой последовательностью сооружения насыпи и с порядком захоронений, но все же почти целиком в пределах последней внешней насыпи, находились погребения третьего типа: в узких ямах, одни в катакомбе, лежали вытянутые на спине костяки, с меньшим количеством краски и с бедным инвентарем, но сосуды здесь уже не что иное, как сосуды «катакомбной» культуры. Отнесение всех этих погребений к бронзовой эпохе несомненно, несмотря на отсутствие бронзовых орудий. Здесь важно удачное расположение могил, устанавливающее твердую последовательность во времени.

Вопрос, на какой базе выросло богатство скифской аристократии, засвидетельствованное «царскими» курганами, получил в раскопках на Никопольстрое свое частичное разрешение. Вскрыта серия рядовых погребений скифской эпохи, преимущественно того же времени, в 1936 г. В 1937 и 1938 гг. открыто всего пять таких погребений. К сожалению, большинство ограблено еще в древности. Замечательно, что эти незначительные по величине курганы в точности повторяют грандиозные погребальные сооружения типа Чертомлыцкого кургана и Солохи. Только вместо 15—20 м высоты рядовые скифские курганы едва достигают неполного метра в высоту. Вместо грандиозных колодцев с погребальными подземными камерами здесь оказывается узкая яма, в одной из стенок которой сделана довольно большая камера—катакомба, отгороженная от входной ямы вертикальными кольями, плетнем или изредка каменными плитами. Чаще вся могила расположена с востока

на запад, реже с севера на юг. Покойники, один или несколько, лежат вытянуто на спине, головой на запад или север (рис. 1).

Вместо драгоценных сосудов покойников сопровождают, и то изредка, греческие чернолаковые глиняные сосуды—предмет ремесленной греческой работы, чаще из категории употреблявшихся для питья вина. В насыпях курганов от тризны оставались, иногда в довольно значительном количестве, черепки винных амфор: скифское горе обильно заливалось эллинским вином. В 1937 г. удалось установить на двух курганах двукратную насыпку курганов по наличию внутренних рвов и сообразно с этим двукратное повторение тризны, что соответствует двухгодичной тризне геродотовского описания «царских» похорон.

Мужчина — воин, конный стрелок. Сообразно этому его сопровождают типичные железные кинжалы-акинаки, двухметровые копья с мощными железными наконечниками и железной же оковкой нижней части древка. Но главное оружие скифа — лук и стрелы: при мужских погребениях лежат бронзовые, изредка железные, наконечники стрел, иной раз числом до сотни. Они все трехгранные и трехлопастные, со втулкой для насадки на древко. В одном случае сохранившиеся части древков оказались окрашенными в черный цвет с красным пояском под втулкой. Конь сопутствует своему хозяину в его загробном существовании. Но здесь нет многочисленных и целых конских погребений, как в «царских» курганах Нижнего Приднепровья. Символически в могилу или насыпь положены удила или, в виде пищи, чаще в головах, лежат части конской туши: лопатки, ноги, ребра. С этой же целью клались иногда части коровы и целые тушки овец. Такую жертву покойнику неизменно сопровождает железный нож.

Женские могилы вполне совпадают с мужскими по ритуалу и типу всего сооружения. Отличается их инвентарь. Встречаются украшения, в виде стеклянных греческих бус, изредка золотых бус и колец, бронзовые кольца и браслеты. Сопровождают женщину и рядовые вещи, говорящие о ее нехитрой домашней работе. Обычны грузики от веретен, пряслица из свинца или глины, конической или яйцевидной формы, железные шильды и ножи, ручные жернова в виде песчаниковых или гранитных плит. В целом здесь налицо погребения массы свободного скифского населения.

Основным недостатком всех прежних работ по скифской археологии являлось невнимание к скифским городищам, без чего, конечно, нет никакой возможности создать когда-либо сколько-нибудь ясное представление о скифской культуре. В дореволюционное время исследования по городищам насчитывались единицами. В советский период им начали уделять большее внимание, но пока все-таки работ и результатов накопилось немного.

Естественно, что при таких обстоятельствах Никопольский музей не мог оставить без внимания большое скифское городище, лежащее прямо напротив Никополя на ле-

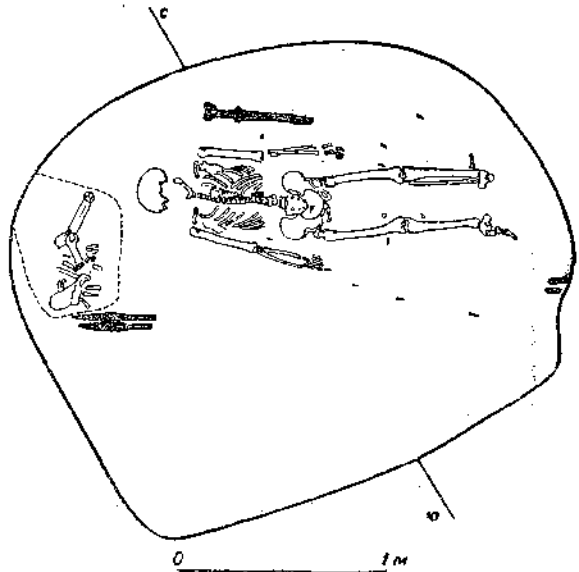
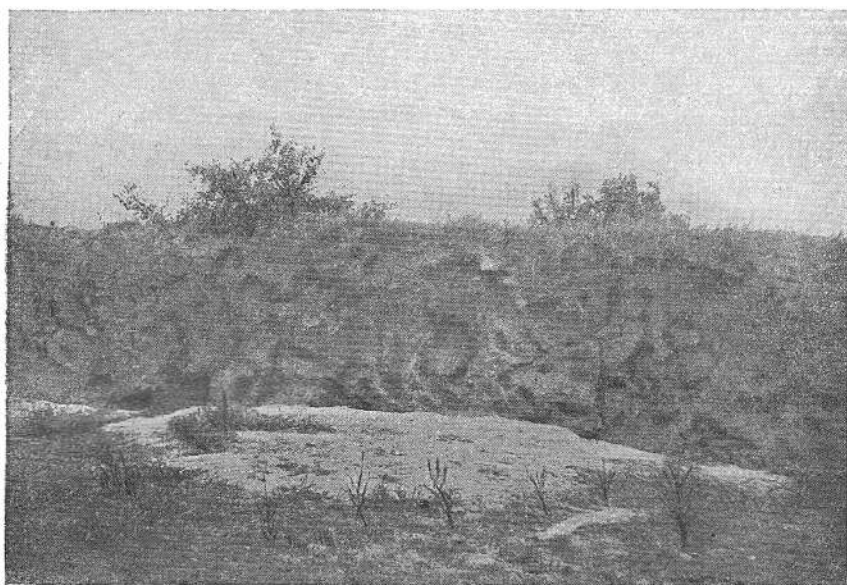

Рис. 1. План типичного скифского погребения, Никопольстрой 1937 г., к. 1, п. 1

вом берегу Днепра. При поддержке областных организаций летом 1938 г. удалось осуществить начало пока предварительных рекогносцировочных изысканий.

Городище расположено на обширной дюнной площади между селами Каменкой и Большой Знаменкой на Днепре. Площадь его занимает более 10 кв. км. В разное время на нем существовали небольшой татарский городок и петровская крепость «Каменный затон». От петровской крепости недалеко от пристани до сих пор сохранились остатки [вала] на протяжении минут двадцати ходьбы вглубь городища. На ней кое-где до сих пор лежат кучи «известного» камня. В наши дни восточная часть

Рис. 2. Вал Каменского городища

городища занята наступающим на него селом Каменкой. Городище с двух сторон защищено естественными преградами: Днепром и его притоком Конкою, с одной стороны, и очень красивым Белозерским озером, имеющим проток в Конку, — с другой. Только со стороны этого протока за ним и с востока, где город выходил в степь, его защищали земляные валы. Главнейший из них соединял Конку с Белозерским лиманом и по сие время в значительной части сохранился (рис. 2). Он носит в народе название «Турецкого вала».

На поверхности городища во множестве встречаются всевозможные остатки скифского быта в соединении с греческими амфорными, реже иными, обломками (рис. 3): глиняная посуда, остатки литейных мастерских, железные и медные предметы, пращевые камни, наконечники стрел, бусы и иногда греческие монеты, особенно относящиеся к IV—III вв. до н. э., чаще всего пантикапейского или ольвийского происхождения. В общем, даже наружный осмотр позволяет видеть в Каменском городище остатки торгово-ремесленного поселения того же самого времени, что и знаменитые скифские «царские» курганы.

Каменское городище известно в археологической литературе давно, но раскопок на нем не производилось, если не считать работу Д. Сердюкова, мелитопольского краеведа, в 1895—1900 гг. сделавшего ряд турфов. Еще раньше он опубликовал статью «Каменские кучугуры и их древности» в «Крымском вестнике» (1896 г.). Ничего существенного к имевшимся ранее сведениям его работа не дополняет.

Предпринятые нами в 1938 г. рекогносцировочные раскопки были проведены на площади около 700 кв. м близ каменского кладбища, где осмотр показал наличие нетронутого культурного слоя. На этом пространстве обнаружены различные остатки хозяйственной жизни скифов. Множество костей домашних животных (лошадей, овец и коров) свидетельствует о большом развитии скотоводства. Последующее камеральное исследование даст возможность точнее выяснить состав стада. Предварительные данные указывают, повидимому, на преобладание в ней лошадей. Части найденных удил связаны с тем же явлением. Найдены, пока в разрозненном виде, остатки литейного мастерства: обломки глиняных воронок и тиглей, куски меди и шлаков. Медные и бронзовые местные изделия представлены в раскопках наконечниками стрел, браслетами, серьгой. Много обрезков медных пластинок. Кузнечное дело выражено

Рис. 3. Обломки амфор на поверхности городища

и в раскопках и в подъемном материале кусками руды, повидимому, криворожского происхождения. Железные изделия имеют широкое применение: найдены ножи, крючья для жарения мяса, шилья, псалий.

Раскопки дали особенно много местной керамики, совершенно неизвестной из «царских» курганов, и лишь в незначительных обломках, не дающих о ней точного представления,—из рядовых могил с Никопольстроя. Вся керамика—лепная, отличается грубостью. Формы ее близки к курганной скифской керамике Херсонщины и Киевщины. На доньшках с внешней стороны попадаются отпечатки ткани.

Эта ткань, вместе со свинцовыми и глиняными пряслицами, тех же форм, что в могилах Никопольстроя,—единственные свидетели прядения и ткачества. Немало встречается обломков зернотерок, что свидетельствует о значительных элементах земледелия.

Греческий импорт представлен в изобилии обломками остродонных амфор. Некоторые сохраняют на себе клейма мастерских Гераклеи Понтийской, Синопы, Херсонеса и какого-то еще не определенного центра. Большая часть их найдена и раньше и в 1938 г. среди подъемного материала. В раскопках нами встречены только два синопских клейма. Сколь велико было потребление греческого вина, видно по тому, что основную часть находок составляют именно фрагменты амфор. Однако они бытовали и после

уничтожения напитка: многие фрагменты носят на себе следы последующей чинки. В остатках обнаруженного раскопками жилища найдено несколько десятков этих сосудов.

Мелкая чернолаковая керамика встречена в виде черепков, и то в очень ограниченном числе, в образцах IV и, может быть, V вв. до н. э. Она, повидимому, сама по себе представляла для населения ценность и, подобно золотым и серебряным сосудам «царских» курганов, не оседавшим на площади города, а сопровождавшим своих хозяев-аристократов на их посмертном пути, уходила в могилы рядового населения. Курганы окрестностей Никополя достаточно об этом свидетельствуют. Стежлянные греческие бусы—еще один предмет импорта. Вино господствовало над всем остальным.

В раскопках 1938 г. едва ли не самое интересное и важное—остатки жилища. Оно представлено своеобразными канавами, идущими по сторонам четырехугольника, в свою очередь разделенного такими же канавами на несколько меньших помещений. К сожалению, часть его разрушена при развевании дюны. Внутри этого контура сосредоточены находки хозяйственной деятельности. Жилой характер этого помещения несомненен: тут сосредоточены находки керамики; обломки амфор и местной посуды образуют скопления от стоявших на своем месте отдельных сосудов; в одном месте ножка амфоры стояла зарытой в первоначальном положении. Очагов в помещении не оказалось. Полное отсутствие остатков камня и глины говорит в том, что жилище было деревянное. Устройство одновременных могил-катакомб с загородкою из вертикальных столбов, жердей или плетня, а также значительное сходство плана расположения канав с летними плетневыми жилищами некоторых местностей Северного Казахстана позволяют предположить в этом жилище наличие стен из вертикально поставленных столбов или плетней, зарытых основаниями в обнаруженных канавах. По отсутствию очагов можно, думается, видеть в обнаруженном жилище летнее помещение или только кладовую. В сохранившейся части оно занимало более 150 кв. м.

Небольшой размах раскопок все же наметил значение этого городища для понимания древней истории Украины, и можно надеяться, что его дальнейшие раскопки широко откроют нам как жизнь и культуру местного населения, так и роль в ней греческой торговли не только в виде драгоценностей, но и в иных областях. Обильный ввоз вина, подавляющий все остальное, можно считать засвидетельствованным и, может быть, видеть в нем основу эксплуатации греками всего населения скифского хинтерлянда.

Б. Граков